

КНИГИ
УИЛБУРА
СМИТА:

РЕЧНОЙ БОГ
♦
СЕДЬМОЙ СВИТОК
♦
ЧАРОДЕЙ
♦
НА КРАЮ СВЕТА

ПОЛЕТ СОКОЛА
♦
ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ
♦
И ПЛАЧУТ АНГЕЛЫ

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ
♦
МУССОН
♦
КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ
♦
И ГРЯНУЛ ГРОМ
♦
ПАДЕНИЕ С НЕБЕС
♦
ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ
♦
ПЫЛАЮЩИЙ БЕРЕГ
♦
ТРИУМФ СОЛНЦА
♦
АССЕГАЙ
♦
ВЛАСТЬ МЕЧА

НЕУКРОТИМЫЙ, КАК МОРЕ
♦
ГЛАЗ ТИГРА
♦
НЕ БУДИ ДЬЯВОЛА

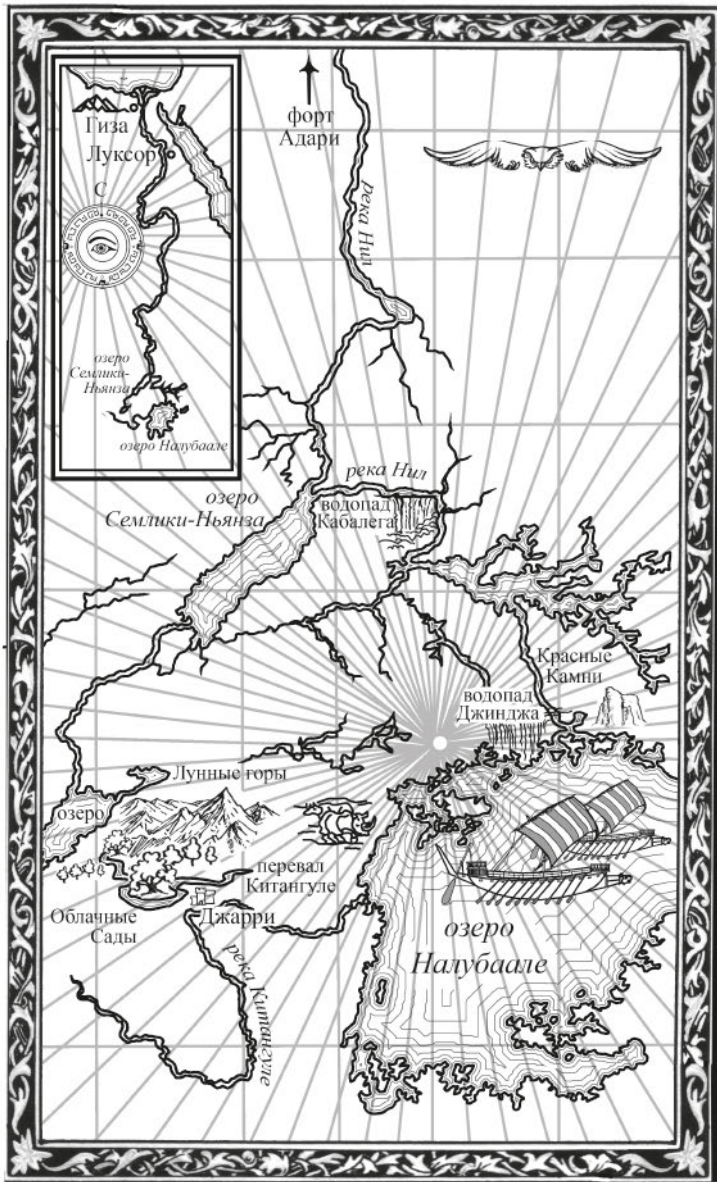
УИЛБУР
СМИТ

НА КРАЮ СВЕТА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Двое одиноких путников спустились с высокой горы. На них была потертая дорожная одежда, на головах кожаные шлемы, завязанные под подбородком для защиты от холода. Обветренные лица обросли бородами. Свои небогатые пожитки путники несли в мешках за спиной. Им пришлось проделать трудное и опасное путешествие, чтобы добраться до этого места. Мерен, хотя и шедший первым, понятия не имел, где они находятся, как не знал и того, зачем им понадобилось отправиться в такую даль. Об этом ведал только ступающий за ним по пятам старик, предпочитавший до поры не раскрывать эту тайну.

Оставив позади Египет, странники переправлялись через моря, озера и могучие реки, пересекали обширные равнины и леса. У них случались встречи с причудливыми и опасными зверями и еще более странными и опасными людьми. Они взбирались на горы, представляющие собой нагромождение заснеженных пиков, разделенных зияющими ущельями; на этой высоте воздух был таким разреженным, что почти не годился для дыхания. Лошади их пали от холода, а Мерен потерял фалангу пальца, которая распухла и почернела от лютого мороза. К счастью, этот палец принадлежал не той руке, что держит меч или спускает тетиву большого лука.

Мерен остановился на краю высокого утеса. Старик встал рядом, укутанный в накидку из шкуры снежного барса, который напал на Мерена и оказался уложен первой же его стрелой. Стоя плечом к плечу, путники

обозревали раскинувшуюся перед ними чужую страну, изобильную реками и густыми зелеными джунглями.

— Пять лет, — сказал Мерен. — Пять лет мы провели в дороге. Конец ли это нашего пути, маг?

— Ого, добрый Мерен! Неужели прошло так много времени? — спросил Таита, и под заиндеветыми бровями вспыхнул насмешливый взгляд.

Вместо ответа его спутник отвязал висевшие на спине ножны и указал на линии вырезанных на коже зарубок.

— Я отмечал каждый день, можешь пересчитать, — заверил Мерен.

Больше половины из прожитых им лет он сопровождал и защищал Таиту, но до сих пор не всегда мог понять, когда тот шутит, а когда говорит всерьез.

— Но ты не ответил на мой вопрос, почтенный маг, — продолжил он. — Достигли ли мы конца нашего путешествия?

— Нет, не достигли. — Таита покачал головой. — Но утешайся тем, что начало его стало удачным.

Заняв место впереди, он зашагал по узкому выступу, пересекающему склон утеса по диагонали.

Некоторое время Мерен смотрел ему вслед, затем его честное красивое лицо расплылось в улыбке печальной покорности.

— Остановится ли когда-нибудь этот старый дьявол? — обратился он к горам вопрос. И, закинув ножны за спину, поспешил за товарищем.

У подножия утеса они обогнули камень из белого кварца.

— Добро пожаловать, путники! — вдруг с небес раздался голос. — Я долго жду вас!

Странники изумленно остановились и запрокинули головы. Их глазам предстала детская фигурка — на камне восседал мальчишка лет одиннадцати, не больше. Странно, что они не заметили его прежде — юнец находился на совершенно открытом месте: яркий солнечный свет падал на него и, отражаясь от блестящего кварца,

окружал мальчика сияющим ореолом, от которого ре- зало глаза.

— Мне поручено послужить для вас проводником в храм Сарасвати, богини мудрости и возрождения, — сказал ребенок сладкозвучным голосом.

— Ты знаешь египетский язык! — в удивлении выпалил Мерен.

Вместо ответа мальчик улыбнулся. Он скроил ро- жицу как у проказливой мартышки, но улыбка его полу- чилась такой заразительной, что Мерен не удержался и улыбнулся сам.

— Меня зовут Ганга, я посланник, — сказал паре- нек. — Идемте! Отсюда путь недолгий.

Он поднялся и закинул за голое плечо толстую чер- ную косу. Невзирая на холод, его прикрывала только на- бедренная повязка. Безволосый обнаженный торс имел цвет спелого каштана, а на спине у Ганги рос горб, как у верблюда, большой и уродливый. Мальчик перехватил взгляды путников и снова улыбнулся.

— Вы привыкнете к нему, как привык я, — сказал он. Спрыгнув с камня, он взял Таиту за руку. — Нам в ту сторону.

Следующие два дня Ганга вел их через густой бамбу- ковый лес. Тропа петляла и кружила, и без проводника египтяне заблудились бы сотню раз. По мере спуска с гор становилось теплее, и они наконец смогли сбросить ме- ховую одежду и идти без шлемов. Волосы у Таиты были тонкими, прямыми и серебристыми, у Мерена — густы- ми, черными и вьющимися. К исходу второго дня зарос- ли бамбука кончились и дорога пошла через джунгли, где кроны деревьев смыкались, образуя крышу и за- крывая солнце. Теплый воздух источал запах сырой зем- ли и гниющих растений. Над головой парили птицы с ярким оперением, обезьянки лопотали и перепрыгива- ли с ветки на ветку, пестрые бабочки порхали над цвету- щими лианами.

С поразительной внезапностью джунгли закончи- лись, и началась открытая равнина, протянувшаяся на

лигу до противоположной стены джунглей. Посредине этого свободного пространства стояло внушительное здание. Его башни, башенки и террасы были сложены из кремво-желтых каменных блоков, вокруг всего сооружения возвышалась такая же стена. Внешнюю сторону украшали барельефы, изображающие разгул обнаженных мужчин и пышнотелых женщин.

— То, чем занимаются эти статуи, испугало бы лошадей, — с осуждением в голосе произнес Мерен, хотя глаза у него заблестели.

— Сдается мне, что ты вполне мог бы послужить моделью для скульпторов, — высказал предположение Таита. — Наверняка изображения на этих стенах не таят для тебя ничего нового.

Изваянные из желтого камня фигуры совокуплялись во всех мыслимых позах.

— Напротив, тут мне есть чему поучиться, — признался его спутник. — О половине из этих поз я даже представления не имел.

— Это Храм знания и возрождения, — напомнил им Ганга. — Здесь акт соития рассматривается как явление священное и прекрасное.

— Мерен продолжительное время придерживался такой же точки зрения, — сухо заметил маг.

Тропа у них под ногами превратилась в вымощенную дорожку, которая привела их к воротам во внешней стене храма. Массивные створки из тика были распахнуты.

— Входите! — призвал Ганга. — Апсары ждут вас.

— Апсары? — переспросил Мерен.

— Храмовые девушки, — пояснил Ганга.

Путники миновали ворота, и тут даже Таита удивленно заморгал, потому что они оказались в дивном саду. На аккуратно подстриженных лужайках островками росли цветущие кустарники и плодовые деревья, на ветвях многих из них висели спелые фрукты. Сам маг, великий знаток растений и полезных культур, не мог определить иные из экзотических видов. Каждую клумбу усеивали роскошные цветы головокружительной красоты. Близ

ворот на траве сидели три девушки. Завидев путников, они вскочили и легко побежали навстречу им. Смеясь и приплясывая от восторга, красавицы целовали и обнимали Таиту и Мерена. Первая апсара, худенькая и золотоволосая, была очень милостивой. Кожа кремового оттенка выглядела безупречной, как у ребенка.

— Здравствуйте и добро пожаловать! — воскликнула она. — Меня зовут Астрата.

Вторая апсара обладала черными волосами и раскосыми глазами. Кожа ее отличалась прозрачностью, словно восковая пленка, и гладкостью — наподобие слоновой кости, отполированной мастером. Она была прекрасна в полном расцвете женственности.

— Меня зовут Ву Лю, — представилась девушка, с восхищением поглаживая мускулистую руку Мерена. — А ты красавчик.

— Я — Тансид, — сказала третья апсара, высокая и безупречно сложенная.

Глаза у девушки были необычного бирюзово-зеленого цвета, волосы ярко-каштановые, зубы белые и ровные. Когда она поцеловала Таиту, ее дыхание благоухало, как цветы в саду.

— Милости просим, — продолжила Тансид. — Мы ждали вас. Кашьяп и Самана предупредили о вашем приходе и послали нас навстречу. Вы принесли нам радость.

Обнимая одной руку Ву Лю, Мерен оглянулся на ворота.

— Куда делся Ганга? — спросил он.

— А его и не было, — ответил Таита. — Ганга — это лесной дух. Исполнив свою задачу, он вернулся в иной мир.

Мерен принял объяснение. Проведя столько времени рядом с магом, он отучился удивляться даже самым странным и волшебным явлениям.

Апсары ввели их в храм. После залитого солнцем жаркого сада за высокими стенами было прохладно и сумрачно, в воздухе ощущался аромат благовоний, воскуряемых на жаровнях перед золотыми изваяниями богини

Сарасвати. Перед ними склонялись облаченные в свободные желто-оранжевые одеяния жрецы и жрицы, а в тени порхали, как бабочки, другие апсары. Некоторые подходили, чтобы поцеловать и обнять странников. Они гладили Мерена по рукам и груди, прикасались к серебряной бороде Таиты.

Наконец Ву Лю, Тансид и Астрата взяли путников под руки и увлекли по длинной галерее к жилым помещениям. В трапезной женщины подали им по миске с жарким из овощей и по кубку сладкого красного вина. Двое путешественников так долго довольствовались урезанным рационом, что даже Таита ел с жадностью. Когда они насытились, Тансид проводила Таиту в отведенную ему комнату, где помогла раздеться и, заставив встать в медный таз с теплой водой, омыла его усталое тело. Старик не испытал смущения, даже когда ее губка коснулась оставленного кастрацией уродливого шрама. Обтерев Таиту насухо, девушка уложила его на тюфяк и, сев рядом, тихонько напевала, пока путник не погрузился в глубокий сон без сновидений. Ву Лю и Астрата отвели Мерена в другую комнату. Как это сделала Тансид с Таитой, апсары искупали молодого человека и устроили на матрасе. Он попытался уложить девушек рядом, но очень устал и в своих попытках не проявил особой настойчивости. Красавицы с хихиканьем ускользнули. Через несколько мгновений Мерен тоже провалился в сон.

Спал он до тех пор, пока дневной свет не проник в комнату, и пробудился полным сил и бодрости. Его поношенная и грязная одежда исчезла, взамен появилась чистая, свободного кроя туника. Едва Мерен успел надеть ее, как услышал нежный женский смех и голоса, которые приближались по коридору к его двери. Его вчерашние знакомые впорхнули, принесли фарфоровые блюда с угощением и кувшины с фруктовым соком. Трапезничая вместе с гостем, апсары обращались к нему на египетском, но между собой говорили на смеси языков, казавшихся естественными для них. Тем не менее каждая определенно предпочитала свой родной. Астрата ока-

залась уроженкой Ионии, чем объяснялись ее огненно-золотые волосы, а в речи Ву Лю звучали мелодичные, звонкие, как колокольчик, тона далекого Китая.

Когда с едой было покончено, девушки вывели Мерена на улицу, где из глубокого пруда бил искристый фонтан. Обе скинули легкие одежды и нагишом прыгнули в воду. Заметив, что Мерен замешкался, Астрата вылезла и направилась к нему; ее намокшие волосы облепили тело. Она со смехом стянула с путника тунику и потянула за собой к пруду. Ву Лю пришла ей на помощь; совместными усилиями затащив его в воду, девушки принялись шалить и плескаться. Вскоре, забыв о смущении, Мерен присоединился к забаве. Астрата вымыла ему голову, восхищаясь при этом боевыми шрамами на бугристых мышцах воина. Мерен поражался совершенству тел девушек, прижимавшихся к нему. Руки апсар деловито сновали под поверхностью воды. Общими стараниями возбуждая гостя, они восторженно завизжали и, вытащив его из пруда, увлекли в направлении стоящего среди деревьев павильона. Каменный пол устлали ковры и шелковые подушки; проказницы уложили Мерена, еще мокрого после купания, на этот мягкий покров.

— Теперь мы почти богиню, — сказала ему Ву Лю.

— Как это? — обеспокоился Мерен.

— Не бойся, мы покажем тебе, — заверила Астрата.

Всем своим гладким телом она прильнула к спине мужчины, целуя ему уши и шею, ее живот приятно согревал его ягодицы. Ее руки протянулись дальше, лаская Ву Лю, а та, обвив Мерена руками и ногами, целовала его в губы. Обе девушки явно познали вершины в искусстве любви.

Спустя короткое время все трое словно слились воедино, образовав удивительное существо с шестью руками, шестью ногами и тремя ртами.

Подобно Мерену, Таита проснулся рано. Несмотря на долгое путешествие, ему хватило нескольких часов сна, чтобы восстановить бодрость духа и тела. Когда он сел

на тюфяке, в комнату лились лучи зари. Тут он обнаружил, что не один.

На коленях перед матрасом сидела Тансид и улыбалась ему.

— Доброе утро, маг, я принесла тебе еду и питье. Когда подкрепишься, Кашьяп и Самана будут рады встретиться с тобой.

— Кто это такие?

— Кашьяп — наш достопочтенный отец настоятель, Самана — наша достопочтенная мать. Как и ты, оба они — выдающиеся маги.

Самана ожидала гостя в беседке в храмовом саду. Это была миловидная женщина неопределенного возраста в оранжевом одеянии. В густых прядях над ушами встречались серебряные прожилки, а в глазах светилась неизмеримая мудрость. Когда они обнялись, Самана указала Таите на мраморную скамью рядом с собой. Она осведомилась о путешествии, проделанном им к храму. Их беседа продолжалась некоторое время, затем жрица сказала:

— Мы очень рады, что ты успел прийти, чтобы встретиться с настоятелем Кашьяпом. Ему недолго осталось пребывать среди нас. Это он послал за тобой.

— Я знал, что меня позвали в это место, но не знал, кто именно. — Таита кивнул. — Зачем я понадобился ему?

— Он сам скажет, — ответила Самана. — Сейчас мы пойдем к нему.

Женщина встала и взяла мага за руку. Тансид осталась в беседке, и Самана сама повела гостя через лабиринт коридоров и галерей, затем вверх по спиральной лестнице, казавшейся бесконечной. Наконец они оказались в круглой комнатке на вершине самого высокого из минаретов храма. Стены в помещении отсутствовали, и из него со всех сторон открывался вид на зеленые джунгли вплоть до парапета из увенчанных снежными шапками гор, грядой тянувшихся на севере. Посреди комнаты на обложенном подушками матрасе сидел человек.

— Располагайся перед ним, — шепнула Самана. — Он почти совсем глух, поэтому должен видеть твои губы, когда ты говоришь.

Таита сделал как велено, и некоторое время они с Кашьяпом смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Кашьяп был стар. Глаза у него были бледные, выцветшие, десны лишены зубов. Тело старика покрывала кожа сухая и морщинистая, как древний пергамент, а волосы, борода и брови казались прозрачными, как стекло. Руки и голова его тряслись от непроизвольной дрожи.

— Зачем ты послал за мной, маг? — спросил Таита.

— Потому что ты обладаешь добрым разумом. — Голос Кашьяпа звучал не громче шепота.

— Как ты узнал обо мне? — поинтересовался египтянин.

— При твоих магических силах и способностях ты производишь возмущение эфира, осязаемое издалека, — ответил Кашьяп.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Ничего и всего, не исключая, возможно, даже твоей жизни.

— Объясни.

— Увы! Для меня уже слишком поздно. Черный тигр смерти подкрадывается ко мне. Я уйду прежде, чем зайдет солнце.

— Важное ли задание хочешь ты поручить мне?

— Важнее не бывает.

— Что мне необходимо сделать? — спросил Таита.

— Я собирался вооружить тебя для предстоящей тебе борьбы, но узнал от апсар, что ты евнух. До твоего прихода сюда я не ведал об этом. У меня нет возможности передать тебе свои знания тем способом, который я собирался использовать.

— Что же это за способ? — поинтересовался египтянин.

— Плотский обмен.

— И опять я не понял.

— Он подразумевал бы половое соитие между нами. Но по причине твоего увечья это невозможно.

Таита молчал. Кашьяп положил сморщенную, похожую на клешню ладонь ему на плечо.

— Вижу по твоей ауре, что, заговорив об увечье, я обидел тебя, — задушевым тоном промолвил он. — Мне жаль, но у меня осталось мало времени и приходится быть честным.

Таита продолжал молчать, поэтому Кашьяп продолжил:

— Я решил совершить обмен с Саманой. У нее тоже добрый разум. После моего ухода она по частям будет передавать тебе то, что узнает от меня. Прости, что расстроил тебя.

— Правда иногда причиняет боль, но ты не виноват. Я сделаю все, что ты потребуешь от меня.

— Тогда будь с нами, пока я передаю все знания и всю мудрость, накопленную за долгую жизнь, Самане. Позже она поделится ими с тобой, и ты будешь вооружен для священного предприятия, которое предназначено тебе судьбой.

Таита наклонил голову в знак согласия.

Самана резко хлопнула в ладоши, и по лестнице поднялись две незнакомые апсары, обе юные и красивые: брюнетка и золотистая блондинка. Они последовали за Саманой к маленькой жаровне у дальней стены и помогли ей поставить на угли котелок с сильно пахнущими растениями. Когда зелье приготовилось, девушки поднесли его Кашьяпу. Пока одна держала трясущуюся голову, другая приложила котелок к его губам. Старикпил шумно, часть снадобья стекала у него по подбородку; затем он устало откинулся на матрас.

Две апсары нежно и почтительно разоблачили его, затем вылили на низ его живота немного ароматического бальзама из алебастровой бутылки и стали нежно, но настойчиво массировать сморщенный мужской корень. Кашьяп стонал, ворчал и мотал головой из стороны в сто-

рону, но под воздействием умелых ручек апсар и наркотика его член стал набухать и подниматься.

Когда он полностью отвердел, Самана подошла к матрасу и приподняла подол оранжевого платья, обнажив ноги прекрасной формы и округлые, крепкие ягодицы. Оседлав Кашьяпа, она взяла мужской корень старика в руку и направила его в себя. Как только они слились, женщина опустила подол, скрыв их наготу, и начала медленно раскачиваться.

— Господин, я готова принять все знания, что ты дашь мне, — тихо шептала она.

— С охотой вручаю их тебе, — глухо и слабо прозвучал голос Кашьяпа. — Распоряжайся ими мудро и во благо.

Он снова замотал головой, его старческие черты исказились в ужасной гримасе. Потом настоятель вдруг напрягся и застонал, по телу его пробежали конвульсии. Никто из них больше не шевелился в течение почти целого часа. Затем из горла Кашьяпа вылетел хриплый вздох, и старик откинулся на матрас.

Самана сдержала вскрик.

— Он умер, — промолвила она с величайшей печалью и состраданием.

Потом осторожно слезла с трупа и, опустившись на колени, закрыла веки на широко распахнутых бледных глазах настоятеля.

— Сегодня на закате мы предадим огню его внешнюю оболочку, — сказала жрица, повернувшись к Таите. — Кашьяп был моим покровителем и наставником, он для меня больше чем отец. Теперь его сущность живет во мне, слившись с моей душевной субстанцией. Прости меня, маг, но мне требуется время, чтобы оправиться от пережитого только что тяжкого испытания. Когда я смогу быть тебе полезной, я приду.

Тем вечером Таита стоял вместе с Тансид на затененном балкончике своей комнаты и наблюдал за плавающим во дворе храма погребальным костром настоятеля

Кашьяпа. Он ощущал глубокое сожаление, что не познакомился с ним раньше. Даже за время краткого свидания маг успел ощутить духовную близость, установившуюся между ними.

Тихий голос, прозвучавший в темноте, вывел его из задумчивости. Таита обернулся и увидел, что к ним незаметно присоединилась Самана.

— Кашьяп тоже сознавал связь между вами. — Она стояла рядом с Таитой по другую руку от Тансид. — Ты тоже слуга истины. Вот почему ему так необходимо было увидеться с тобой. Он бы сам пришел, если бы его тело обладало способностью вынести столь долгий путь. Во время плотского обмена, свидетелем которого ты стал, этого последнего его подношения на алтарь истины, Кашьяп передал сообщение для тебя. Но прежде чем я это сделаю, я должна по просьбе настоятеля подвергнуть испытанию твою веру. Скажи мне, Таита из Галла-лы, во что ты веришь?

Таита задумался ненадолго, потом заговорил:

— Я убежден, что вселенная — поле битвы двух могущественных сил. Первую рать составляют боги правды. Вторую — демоны лжи.

— Какую роль в этой судьбоносной битве играем мы, жалкие смертные? — спросила Самана.

— Мы можем посвятить себя служению правде или позволить лжи поглотить нас.

— Если мы избираем правый путь, как нам защититься от темных сил лжи?

— Взбираясь на Вечную гору до тех пор, пока с нее нам ясно не откроется правда. Достигнув этого уровня, мы вступаем в ряды благих бессмертных, являющихся воинами истины.

— Такова ли судьба всех людей?

— О нет! Лишь очень немногие, самые достойные, достигают этого ранга.

— В конце времен возьмет ли правда верх над ложью?

— Нет! Ложь не отступит, но и правда тоже. Бой будет идти с переменным успехом и не закончится никогда.